

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ТИПЫ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ЭКОНОМИК

Д.В. Шипилов

Рассматриваются типы и модели трансформационных экономик.

Ключевые слова: этапы трансформаций; векторы перехода; типы трансформационных экономик.

В трансформационной экономике постсоциалистических стран пересекаются четыре основных вектора: 1) постепенное умирание (как естественное, так и искусственное) “реального социализма”; 2) реставрация отношений позднего капитализма; 3) возобновление пережитков добуржуазных отношений; 4) тенденции социализации и гуманизации общественно-экономической жизни.

Первая тенденция знаменует собой устойчивое, но постепенно отмирающее присутствие в трансформационной экономике отношений “реального социализма”.

Вторая тенденция представляет собой рождение специфических форм позднего глобального капитализма, который может быть назван регулируемой рыночной экономикой.

Третья тенденция – возрождение в ряде стран с трансформационной экономикой добуржуазных отношений, которые, в свою очередь, порождаются спецификой полураспада “реального социализма”: частичное разрушение старой системы экономических отношений при крайне замедленном рождении новой приводит к образованию потенциально “пустого” (в социально-экономическом смысле, такого, где нет сильных базисных детерминант общественной жизни) социального пространства.

Наконец, четвертая тенденция, определяет конкретные черты и закономерности

трансформационной экономики, – всемирный (в пространстве) и общецивилизационный (во времени) процессы социализации и гуманизации. Эти процессы составляют глобальный контекст трансформаций в узком смысле слова, происходящих в постсоциалистических странах.

Таким образом, трансформационная экономика может быть охарактеризована как поле противоречивого пересечения двух процессов: трансформации “реального социализма” в различные модели капитализма (скорее всего, внешне сходные с тем или иным типом, свойственным развивающимся странам) и одновременного накопления в мире элементов качественно нового социального состояния [1].

Этапы эволюции трансформационной экономики могут быть выделены на основе анализа трансформации одной системы производственных отношений и институтов в иную [2].

1. “Подготовительный” этап, на протяжении которого происходит спонтанное (“подпольное”) нарастание процессов саморазложения старой системы при явных или скрытых попытках ее реформирования без изменения сущности. Он заканчивается тем, что системный кризис старой системы проявляет себя как экономический и социально-политический кризис. В СССР этот этап проходил в 1985–1991 гг.

2. Этап “входа” в трансформационную несбалансированность характеризуется активными институциональными преобразованиями, призванными привести к качественной (революционной) трансформации производственных и иных социальных отношений, разрушением старых и слабостью новых регуляторов экономической динамики и сбалансированности. Его типичные черты – дисбаланс и неустойчивость экономики при смене объективных критериев экономической эффективности (например, перехода от ориентации на натурально-вещественные критерии к ориентации на критерии финансовой сбалансированности и т.п.).

На этом этапе отсутствует сложившийся механизм самовоспроизводства производственных отношений (и “старых”, и “новых”) на собственной основе; главным детерминантом воспроизводства оказываются внеэкономические факторы. Соответственно, в условиях, когда эти факторы адекватны объективной логике трансформации, возможен ускоренный (хотя, как правило, и диспропорциональный) рост (СССР 20-х гг., КНР и Вьетнам 80–90-х XX века), а когда неадекватны – кризис и спад (Россия 1990-х гг. и большинство других стран мировой социалистической системы в начале 90-х). По этой причине малообоснованным выглядит получивший широкое распространение взгляд на экономический кризис, как на неизбежную “цену” трансформации. И теоретически, и практически переход возможен без трансформационного спада, однако в рамках определенных моделей трансформации такой спад является объективным, неизбежным явлением.

3. Этап “выхода” из трансформационной несбалансированности характеризуется постепенным завершением создания институциональной базы для воспроизводства новой системы производственных отношений на собственной основе. Он может быть достаточно продолжительным и начинаться переходом от кризиса к росту (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия – после 1993–1994 гг.; Россия, Казахстан, Украина – после 1998 г.) или переходом трансформационного спада в затяжную депрессию (Кыргызстан и другие страны СНГ, в зависимости от стартовых предпосылок и неэкономических факторов). Реальный процесс экономической трансформации, кроме того, может включать обратный переход от III ко II этапу или выход на дорогу глобальных системных преобразований в направлении постиндустриального общества.

Этап завершения трансформации характеризуется становлением устойчивого воспроизводства

новой системы производственных отношений (как правило, той или иной модели зависимого капитализма) на собственной основе при сохранении в ее недрах “пережитков” старой, значимых до такой степени, что они предопределяют наличие особых воспроизводственных закономерностей. В случае реализации модели “экономики для человека” этот этап будет периодом не завершения экономических преобразований, а развертывания глобальных изменений во всех сферах общественной жизни.

В результате проведения более или менее радикальных преобразований в первые годы реформ на постсоциалистическом экономическом пространстве сложились достаточно устойчивые модели трансформаций.

Опираясь преимущественно на закономерности II и III этапов перехода, относящиеся к собственно трансформационной экономике, выделим основные модели перехода.

Принципом систематизации станет соединение исторической последовательности генезиса моделей трансформации с логическим обобщением моделей трансформационной экономики, выстраиваемых по принципу глубины изменений в исходной системе экономических отношений: отношения собственности, аллокация ресурсов, воспроизводство, социальные аспекты [3].

Модель государственно-рыночного реформирования “реального социализма” возникла как исторически первая и является сейчас чуть ли не единственным примером успешного, с экономической точки зрения, реформирования прежней системы (Китай).

Отличительные черты этой модели: ограничение качественных изменений определенным сектором экономики при постепенном отмирании ряда экономических отношений “старой” системы и свойственных ей глубинных основ воспроизводства; доминирование инерционности, постепенности изменений; развитие рыночных, капиталистических начал преимущественно на собственной основе, а также за счет реформирования, а не разрушения прежней системы; стремление к кооперации с глобальным капиталом без подчинения последнему.

Господствующим способом координации (аллокации ресурсов) продолжает оставаться централизованный бюрократический контроль государства, доминирующий как над рыночным саморегулированием, так и над локальным монополистическим регулированием; собственность остается преимущественно под государственно-корпоративным контролем при широком распространении, прежде всего, мелкой частной

собственности и совместных предприятий; социальные ориентиры сводятся к патерналистской модели социальной защиты и т.п. В зависимости от исходной социально-экономической модели, уровня развития и структуры экономики, а также социальной ситуации, качества институционально-политической системы и других неэкономических факторов эта модель может обеспечивать быстрый рост, как, например, в Китае.

“Государственно-корпоративная” модель буржуазной трансформации – предполагает не реформирование “социализма”, а его демонтаж и выход с самого начала на траекторию буржуазной эволюции, идущей по пути рождения державного типа периферийного капитализма. При этом происходит качественно более радикальное перераспределение экономической власти, контроля и собственности от центральных партийно-государственных структур к отдельным получастным корпорациям.

Основные составляющие корпоративно-государственной модели – постоянно предлагаемый в России и других странах СНГ “градуалистский” вариант (постепенные рыночные реформы при сохранении большой роли государства).

Исходя из статуса государства как ведущего звена национально-государственной стратегии и признавая в то же время целесообразность использования ряда либеральных ценностей (рынка и частной собственности), государственники строят свою стратегию в экономике как цепь постепенных реформ, направленных на частичную либерализацию экономики при сохранении в ней ведущей роли государственных начал. В области реформы отношений собственности это предполагает доминирование не столько госсектора, сколько государственно-корпоративного содержания отношений собственности, как бы пронизывающего ее различные формы. Например, это могут быть контролируемые чиновниками акционерные или коллективные предприятия, жестко контролируемый государством или корпорациями частный бизнес и т.п. В развитии рыночных отношений предлагается та же стратегия, предполагающая некий синтез неокейнсианства с моделями рыночного социализма: постепенная либерализация цен, сильная государственная денежно-кредитная, налоговая, структурная и т.п. политика, программирование экономического развития государством.

Завершает все это социальная политика в духе социал-демократических концепций – че-

рез органы местного самоуправления и т.п. строится социальное государство.

Суммируя, можно сказать, что в этой модели в области координации (аллокации ресурсов) рыночные механизмы саморегуляции не подавлены полностью корпоративным контролем крупнейших монополий и государства; права собственности, будучи (как и в предыдущей модели) отчуждены от трудящихся, концентрируются в большей степени в руках частных корпораций и предпринимателей; для нее патернализм в социальной сфере характерен гораздо в меньшей степени, чем для предыдущей модели. В зависимости от господствующих методов преобразований и от того, насколько структура экономики, менталитет граждан и традиции, институциональная среда приспособлены для либерально-рыночных реформ, эта модель может сопровождаться более или менее глубоким и продолжительным трансформационным кризисом и более или менее активным оживлением.

Либерально-корпоративная модель буржуазной трансформации – это основные хорошо известные слагаемые экономической реформы в рамках этой стратегии: ускоренная приватизация, либерализация цен и другие шаги к свободному рынку товаров, капитала и рабочей силы. Государство сохраняет за собой функции регулирования денежно-финансовой сферы и обеспечивает (насколько это возможно в рамках антиинфляционной монетаристской политики) минимальную социальную защиту нетрудоспособных граждан. Структурная перестройка экономики, научно-технический и социальный прогресс, преодоление кризиса достигаются за счет механизмов саморегуляции рыночной экономики.

Оптимистический вариант этой модели (для стран СНГ), – перспектива новых индустриальных стран, может реализоваться лишь при условии консолидации большинства членов общества вокруг нее. Поскольку демократически это недостижимо, то потребуются авторитарная политическая власть. В результате эти страны через 10–15 лет кризиса и нищеты получат возможность стать “новыми развивающимися странами”, которые постепенно будут догонять развитые.

Пессимистический вариант – превращение страны в смесь черт средне- и слаборазвитых стран. Пропасть между нищетой десятков миллионов и богатством узкой группы лиц, в большинстве своем привязанных к деятельности транснациональных компаний (ТНК) увеличится. При этом гораздо более отсталый потребительский сектор окажется в еще более бедственном положении.

Таким образом, основные черты этой модели – абсолютное доминирование локального монополистического контроля и регулирования в области координации (аллокации ресурсов), развитие добуржуазных (натуральное хозяйство, клановость) форм, различных изменений корпоративно-капиталистической собственности и предельная степень развития корпоративной конкуренции (столкновение кланов, элит и т.п.). При слабости институциональной системы и центральной власти эта модель неизбежно будет двигаться по пути кризиса и стагнации. Социальные цели реализуются в этом случае только как минимальные подачки населению с целью сдерживания социальной напряженности или массовой поддержки того или иного из кланов.

В рамках этой модели заметно проявляется третий вектор трансформации (возрождение добуржуазных отношений). В наименьшей степени и в крайне деформированных формах пробивает себе дорогу четвертый вектор (социализация и гуманизация как генеральная тенденция мирового трансформационного процесса). Весьма значимый второй вектор (либерализация) развивается в деформированной корпоративной форме.

Она может иметь ряд подвидов, формирующихся вследствие существенных различий в методах реформ. В случае “бархатной революции” качественные и революционные по содержанию изменения (либо в форме “шоковой терапии”, либо в градуалистской форме) осуществлялись и осуществляются при наличии институциональных и социально-политических предпосылок, в большей степени на практике ориентируясь на принципы социального рыночного хозяйства, нежели на государственные установки. Отношения собственности также преобразуются с несколько большей дисперсией прав собственности среди населения (купонная приватизация, например), хотя доминирование корпоративно-капиталистической собственности является типичным и для этой модели.

При определенной стабильности институционально-политической системы и мощной поддержке “реформ” со стороны глобального капитала, стремящегося “проглотить” экономики второго мира (типичный пример – прощение долгов в десятки миллиардов долларов), эта модель характеризуется относительно неглубокой стагнацией; при неблагоприятных неэкономических факторах она может приводить к такому же обвалу, как и более жесткие модели.

В рамках модели в наибольшей степени (из числа осуществленных на практике путей транс-

формации в странах бывшего социалистического лагеря) реализуется общецивилизационная тенденция гуманизации и социализации экономической жизни, но даже в этом случае она остается подчинена господству либерально-корпоративной модели буржуазной трансформации.

Эта модель может осуществляться и в условиях, не адекватных для быстрого перехода к либерально-буржуазным отношениям. Неадекватность может проявиться со стороны структуры экономики, институциональной системы, менталитета населения, социально-политической обстановки и т.п. В этом случае попытка применить методы “шоковой терапии” оборачивается не “бархатной революцией”, а “реформами в ежовых рукавицах” – непоследовательными и противоречивыми попытками осуществить “шок” при помощи жестких методов.

Для этого подвида третьей модели типичными чертами являются неспособность и одновременно стремление любой ценой обеспечить одномоментное и административное разрушение прежней системы бюрократического централизованного планирования и внедрение рынка, а также ускоренную передачу госсобственности в руки частных лиц, обладающих достаточными капиталами или административной властью. Эти методы ориентированы на достижение точки невозврата (создание буржуазной рыночной модели) как самоцели, за реализацию которой общество обязано заплатить любую экономическую и социальную цену.

В конкретной социально-экономической обстановке конца XX – начала XXI в. уже практически невозможно однозначно свести экономику определенной страны к одной из описанных выше моделей трансформации.

Если же размышлять о будущем стран с трансформационной экономикой, то следует отметить, что в действительности наиболее радикальной качественной ломкой прежней системы (экономики “реального социализма”) могла бы стать не смена одной (государственно-бюрократической) формы отчуждения граждан от управления экономическими процессами, а работников – от средств производства на другую (капиталистическую), а революционное (по содержанию, но, вполне возможно, “бархатное” по форме) преодоление этого отчуждения. Это сделало бы возможным реализацию “романтической” модели демократически-социалистических преобразований, предполагающей максимальное использование в процессе трансформации общецивилизационной тенденции социализации и гуманизации экономической жизни.

ни в рамках смешанной экономики с доминированием общественного сектора самоуправляющихся предприятий, социально ограниченным рынком и демократическим программированием и регулированием пропорций, экономической динамики и т.п. Однако даже предположительное построение этой модели сталкивается с серьезными объективными препятствиями, которые определяются, прежде всего, не столько низким уровнем развития производительных сил или технико-производственными проблемами, сколько низким потенциалом и самосознанием населения стран с переходной экономикой. Поэтому эта модель может рассматриваться как возможная в некотором будущем альтернатива господствующим ныне закономерностям трансформации.

Полагаем, что приведенные аргументы показывают, что дальше по-старому жить нельзя, остается привести некоторые объективные тен-

денции, указывающие на то, что без качественно новых решений Кыргызстан и другие страны СНГ не войдут в число стран, находящихся на передовых рубежах общественной жизни XXI в., а их народы не получат ни мира, ни культуры, ни благосостояния.

Литература

1. *Бузгалин А.В.* Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. М.: Таурис, Просперус, 2008. 467 с.
2. *Ольсевич Ю.Я.* Трансформация хозяйственных систем [Текст]: [сб. ст.] / Ю.Я. Ольсевич. М.: Междунар. фонд Н.Д. Кондрагьева, 1994. 220 с.
3. *Осипов Ю.М.* Анализ социально-экономической трансформации России в русле теории переходных кризисных процессов // Шансы российской экономики / Под ред. Ю.М.Осипова. М.: ТЕИС, 1997. С. 158.